

Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем

© Васильев А.М.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва Россия
ORCID: 0000-0003-1216-1509XZ; dir@inafr.ru

Резюме. Уникальное положение Саудовской Аравии в мире нефти и ислама сочетается с сохранением традиционного, хотя и меняющегося, социально-политического устройства, основанного на шариате в его ваххабитском толковании. Исследователи не раз пессимистически оценивали будущее саудовского режима. Но история показала его удивительную устойчивость.

Созданное королем Фейсалом в 1960-х – 1970-х гг. равновесие в королевской семье помогло избежать крупных потрясений в течение почти полувека. Но социально-политический застой, появление новых социальных сил в саудовском обществе, конфликты в «племени Саудидов» грозили обострением ситуации. Ответом стало усиление централизации власти в руках короля Сальмана (с 2015 г.) и его сына Мухаммеда, которые стали проводить необходимые социально-экономические реформы, ломая сопротивление оппозиции, чтобы приспособить страну к новым реалиям XXI в. в условиях растущей многополярности.

Ключевые слова: Саудиды, король Фейсал, король Сальман, наследный принц Мухаммед ибн Сальман, саудовские реформы, отношения Саудовской Аравии с США, Китаем, Россией

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 34–44. DOI: 10.31857/S032150750028096-7

Saudi Arabia Today. Thoughts about the Past and the Future

© Alexey M. Vasiliev^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1216-1509XZ; dir@inafr.ru

Abstract. Saudi Arabia's unique position in the world in terms of oil and Islam is combined with the preservation of a traditional, albeit changing, socio-political order based on Sharia in its Wahhabi interpretation. Many scholars have repeatedly been pessimistic about the future of the Saudi regime. However, history has demonstrated its amazing resilience.

Established by King Faisal in the 1960s–70s, the balance in the royal family has helped avoid major upheavals for almost half a century. Yet socio-political stagnation, the emergence of new social forces in Saudi society, and conflicts within the “tribe of Al Saud” threatened to destabilize the situation.

In response, King Salman (since 2015) and his son Mohammed have focused on the strengthening the centralization of power in their hands and began to implement the necessary socio-economic reforms, breaking the resistance of the opposition. Their task was and is to adapt the country to the new realities of the 20th century in the context of growing multipolarity.

Keywords: Saudis, King Faisal, King Salman, Crown Prince Mohammed bin Salman, Saudi reforms, Saudi Arabia's relations with the USA, China, Russia

Acknowledgement. This study was supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00155-P “Islamic extremism in the context of international security: threats to Russia and opportunities to counter”.

For citation: Vasiliev A.M. Saudi Arabia Today. Thoughts about the Past and the Future. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 34–44. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028096-7

ВВЕДЕНИЕ

Саудовская Аравия занимает уникальное место в турбулентное время, когда происходит болезненная ломка старой системы международных отношений и появление новой, в которой реальностью становится многополярность. Государство, второе в мире по запасам нефти и первое по её экспорту, вошло в двадцатку самых крупных экономик планеты. Но в стране, родине ислама, где находится священные города Мекка и Медина, сохраняется её традиционное, хотя и меняющееся социально-политическое устройство, основанное на шариате в его ваххабитском (ханбалитском¹ салафитским²) толковании.

Поэтому ряд исследователей пессимистически оценивали стабильность и будущее королевства.

Сошлюсь на видного историографа королевства, представительницу знатного шаммарского рода Мадави аль-Рашид, живущую в Англии. (Ее предки были когда-то противниками правящей ныне в королевстве династии Саудидов.) Она пишет о том, что катастрофисты и пессимисты не раз предсказывали крушение саудовского режима.

Посмотрим вместе с ней на заголовки книг – «Саудовская Аравия: королевство в упадке», «Спектр саудовской нестабильности», «Время для США начать беспокоиться об обрушении Саудовской Аравии». Кристофер Дэвидсон в книге (2013) «После шейхов: предстоящий коллапс монархий Залива» предсказывал обрушение монархий Залива в 2015–2017 гг. [1]. За несколько десятилетий до него Фред Холидей в книге «Аравия без султанов» ожидал революции рабочего или среднего класса, которые покончат с монархиями.

В настоящее время, по мнению большинства пессимистов, угрозы исходят от радикальных исламистских группировок или каких-то массовых демонстраций типа тех, которые происходили в ходе «арабской весны» в других странах.

Слишком сложным был клубок противоречий в саудовском обществе – архаичная структура власти, серьезные внешние враги, неустойчивая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке и, наконец, слишком лакомым куском представлялась саудовская нефть.

КОРНИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА

Однако события показали удивительную устойчивость режима, успешно объединившего в начале XX в. в одно государство гигантские разрозненные слабозаселенные территории, пережившего гражданскую войну с *ихванами* (ополченцы бедуинских племен – *прим. ред.*), раскол в 1950–1960-х гг. в королевской семье между монархом Саудом и наследным принцем Фейсалом, исламистское восстание в Мекке 1979 г., появление на территории королевства полумиллионной американской армии во время войны против Ирака, бурное движение «арабской весны» в регионе, вызовы религиозной оппозиции и исламистских террористов.

В 1930-х гг. в страну, где господствовали феодально-племенные отношения со средневековой или досредневековой экономикой, самой развитой державой мира было перенесено гигантское современное предприятие с передовой технологией и организацией труда. Это вызвало необратимые перемены в обществе. В Саудовской Аравии, казалось бы, сложилась ядро современного промышленного рабочего класса, инженерно-технических работников, которые почувствовали свою новую социальную роль. Со временем, после долгой борьбы местные рабочие и служащие «АРАМКО» (сейчас «Сауди АРАМКО») превратились в специфический немногочисленный средний класс. Но об образовании в стране более массового среднего класса – особый разговор.

Современный капиталистический сектор некоторое время оставался инородным телом в докапиталистическом социально-экономическом организме страны. Но постепенно во все убыстряющемся темпе вокруг него и под его влиянием началось развитие торговли, второстепенных отраслей экономики, транспорта, средств связи, отдельных национальных капиталистических предприятий, а затем и крупных предприятий нефтехимии мирового значения.

¹ Ханбализм – одна из четырех канонических правовых школ в ортодоксальном суннитском исламе (*прим. авт.*).

² Салафизм – ориентация на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков, на возвращение к Корану и Сунне (*прим. авт.*).

Рост нефтедобычи, а с начала 1970-х гг. и резкий подъем цен на нефть многократно увеличили объем прямых отчислений правительству Саудовской Аравии. Даже в условиях, когда значительная часть этих средств шла на потребление, они стимулировали развитие рыночной экономики, разрушение прежних укладов и появление капиталистического уклада. Этот процесс еще более ускорился, когда стал быстро расширяться общенациональный фонд накопления, а государство было вынуждено взять на себя задачу создания государственно-капиталистического сектора.

Нельзя не признать, что страна добилась успехов в развитии и преобразовании экономики, создала практически с нуля финансовый сектор, дороги, электростанции, мощности по опреснению воды, средства связи, а также систему образования с широкой сетью школ всех ступеней, включая университеты, религиозные и светские, современное здравоохранение. Появилось современное, хотя и субсидированное сельское хозяйство.

Задачи создания многоотраслевой национальной экономики на базе современной технологии, оседания кочевников, распространения образования на женщин, подготовки и производительного использования собственных кадров – всё это сталкивалось с архаическим социально-политическим устройством. Этот конфликт был глубоким и болезненным сам по себе. Но он усугублялся тем, что архаизм социально-политической системы был молод: он имел возраст не более трех-четырёх поколений.

Централизованное государство, сложившееся всего лишь в 20–30-е гг. прошлого века при правлении короля Абдель Азиза (Ибн Сауда), не только соответствовало тогдашнему уровню аравийского общества, но было для него шагом вперед по сравнению с феодально-племенной раздробленностью, междоусобицей и сепаратизмом. Однако и саудовское общество, и новые для него формы политической организации отставали от эпохи на сотни лет.

Правящий класс Саудовской Аравии оказался устойчивым и цепким в удержании власти и стал приспособляться к меняющимся условиям. Одна из его особенностей состояла в том, что он вырос из недр аравийского общества. Он был представлен многочисленным кланом Саудидов, игравшим роль «господствующего племени», племенной и религиозной знати, связанной с ним социально-политическими и родственными узами, а также торговой и финансовой буржуазией. Относительная устойчивость власти Саудидов определялась тем, что, подавляя оппозицию, их «племя» удовлетворяло интересы других звеньев правящего класса, бюрократии, военных и обеспечивало их лояльность.

Сказывалась и заинтересованность массы населения в безопасности, стабильности, повышении жизненного уровня в условиях потребительского общества. Неписанный «социальный контракт» заключался в том, что правящая элита делилась с массами частью своего дохода, обеспечивая личную безопасность саудовцев и сохраняя мусульманские традиции, а в «обмен» массы не вмешивались в политику. Саудиды осторожно балансировали между преобладающими консервативными кругами в правящем классе и растущим числом сторонников реформ и модернизации.

Еще одна особенность правящего класса Саудовской Аравии заключалась в том, что он получал подавляющую часть дохода не на основе частной собственности на орудия и средства производства, будь то земля, скот, заводы, не из налоговых доходов, не в результате эксплуатации массы аравийских трудящихся.

Богатства в его руки поступали благодаря его положению особой феодально-племенной верхушки, опирающейся на государственную машину, верхний эшелон которой он и составлял, на аппарат безопасности, армию, полицию, суд, на остатки военно-племенной организации. Главным источником доходов правящей элиты было присвоение уникальной земельной ренты (слившейся с рентой-налогом), получаемой благодаря наличию в недрах страны нефти в огромных количествах. Если при этом осуществлялась «эксплуатация» сравнительно немногочисленного отряда рабочих (несколько десятков тысяч в нефтяных компаниях вместе с подрядными фирмами), то доля созданной ими прибавочной стоимости, если употреблять марксистскую терминологию, была мизерной по сравнению с общей стоимостью добываемого сырья.

В определенном смысле можно говорить о том, что нефтяная рента заменила прежние доходы феодально-племенной верхушки – *закят*, получаемый непосредственно с подвластного ей кочевого и оседлого населения, налоги на паломников и внешнюю торговлю. Правящая верхушка стала «обуржуазиваться», т.е. участвовать в торговле землей, импортной торговле, государственных подрядах, строительстве. Но все эти виды деятельности были вторичными, производными от нефтяных доходов.

Правящий класс в Саудовской Аравии, как, впрочем, и в других аравийских нефтяных монархиях, приобрел еще одну особенность. Оставаясь преимущественно «феодальным» (хотя и «обуржуазивающимся») классом внутри страны, он стал частью международной финансовой олигархии. Колоссальные средства, вложенные в ценные бумаги и банки США и Западной Европы, в акции международных корпораций превратили саудовскую знать во влиятельную финансовую группировку, хотя нехватка кадров и опыта сделали её реальное влияние и вес меньшими, чем размеры её банковских счетов, ценных бумаг и пакетов акций.

Характер правящего класса – «обуржуазивающейся» традиционной элиты внутри страны и специфической финансовой буржуазии на международной арене – определял противоречивость, иногда кажущуюся, иногда подлинную, внешней политики королевства.

Как союзник и клиент США, зависимый от них в деле безопасности, как составная часть международного финансового капитала, объединенная с ним общностью интересов, королевский режим должен был бы поддерживать все американские внешнеполитические акции. Но в качестве хранителя двух священных мечетей ислама, имама общины мусульман-единобожников король Саудовской Аравии (как выразитель интересов «правящего племени», заинтересованного в стабильности режима) долгое время был вынужден выступать против политики Израиля – главного союзника Вашингтона в регионе, в чрезвычайных обстоятельствах объявлять нефтяное эмбарго, направленное против США, поддерживать арабский народ Палестины, требовать освобождения из-под власти «неверных» Восточного Иерусалима с его мечетью Аль-Акса, осуждать до поры до времени, в частности, соглашения в Кэмп-Дэвиде, мир между Египтом и Израилем. Но королевский режим в последние годы принял как реальность установление дипломатических отношений ОАЭ, Бахрейна, Судана, Марокко с Израилем.

ОСОБЕННОСТИ САУДОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Распределение нефтяной ренты осуществлялось в Саудовской Аравии централизованным путем – с помощью ли прямого дележа части доходов среди правящего класса, путем ли коррупции, ставшей полуправовым государственным институтом. Основное движение средств шло сверху вниз – от монарха к его окружению, племенной и религиозной знати, государственному аппарату, купечеству, местным предпринимателям.

На торговле, земельных спекуляциях, подрядах, строительстве, на кое-какой промышленной деятельности в стране выросла своя буржуазия. Статус крупных торговых домов в обществе Саудовской Аравии к концу прошлого века уже равнялся статусу влиятельных племенных шейхов, хотя предприниматели были неизмеримо богаче.

Саудовская крупная буржуазия на первом этапе своего формирования в значительной степени выросла на торговле и банковской деятельности, обслуживании нефтяной промышленности, на поставках госсектору, паразитировала на нефтяных доходах, нефтяной ренте, присваивая себе её весомую часть при вторичном распределении, используя отсталость саудовского общества, связи с госаппаратом. Именно это вызывало её социально-политический консерватизм. Кроме того, она прочно срослась с режимом и непосредственно с «господствующим племенем» Саудилов. Существующий режим устраивал её постольку, поскольку способствовал её быстрому обогащению, обеспечивая необходимую ей социальную стабильность. Государство осуществляло прямое или скрытое финансирование саудовских фирм, предоставляя им кредиты и субсидии, выгодные заказы, до недавнего времени освобождая от подоходного налога и налога на добавленную стоимость, от пошлин при ввозе оборудования, машин и материалов.

Слияние торговых домов с правящим феодально-племенным классом шло в двух направлениях. К соблазнительной и высокоприбыльной предпринимательской деятельности приобщалось всё больше представителей знати – от Саудилов до племенных шейхов. Но и Саудилов были вынуждены предоставлять престижные и денежные посты представителям бизнес-сообщества. Не имевшие достаточно ветвистого генеалогического древа купеческие семьи и предприниматели и гордая «голубизной» крови и славными предками традиционная знать не вступали между собой в браки. Но это не мешало их деловому, социальному и политическому сотрудничеству.

Мало информации о настроениях средних слоев национальной буржуазии, к которым можно отнести некрупных оптовых и розничных торговцев, крепнущее богатое крестьянство, которое стало вести

хозяйство фермерского типа с помощью госсубсидий, владельцев небольших предприятий и мастерских в сферах легкой промышленности, услуг, ремонта автомашин и бытовой техники.

Можно предположить, что эти слои, извлекая растущие доходы из экономического развития, были недовольны отсутствием политических прав. В отличие от крупных коммерческих домов, они не имели голоса в принятии решений даже на «техническом уровне». Хуже образованные, как правило, верные традициям, находившиеся под влиянием *мутава*³ и улемов, эти слои могли составить консервативную оппозицию режиму, недовольную и экстравагантностью поведения, и расточительством некоторых членов правящей знати, и её умеренными реформами, трактуемыми как неприемлемые *бида* – «новшества».

Нефтяными доходами в прямой или косвенной форме пользовались городские слои и группы промежуточного типа – служащие бюрократического аппарата, армии, полиции, технические специалисты, учителя. Значительные правительственные субсидии получала часть преданных династии «благородных» кочевых племен. Так расширялась социальная база режима: часть этих групп населения превращалась в низшие слои правящего класса, их лояльность высоко оплачивалась.

Но именно среди «промежуточных», или «средних», городских слоев появлялись отдельные группы, способные к политической организации. Из них выходили представители левой оппозиции режиму, назовем их саудовскими разночинцами: молодые офицеры, журналисты, учителя, служащие, мелкие торговцы. Из них, а также из саудовских рабочих «АРАМКО» образовался в 1950–1970-х гг. костяк нескольких подпольных революционных организаций. Свои идеологические установки они черпали извне и не смогли создать сколько-нибудь значительной социальной базы. Несколько военных переворотов провалились, оппозиционеры оказались в тюрьмах, бежали за границу или были кооптированы в государственный аппарат.

Обогащение «верхов» и процветание «промежуточных» слоев лишь частично затронули большинство населения. Малоземельное или безземельное крестьянство, малоимущие или неимущие кочевники, полукочевники, мелкие ремесленники – все они несли на своих плечах тяжесть капиталистической трансформации общества. Их жизненный уровень поднялся, но меньше, чем позволяли возросшие доходы государства. Переход к новым занятиям, вступление в ряды наемных работников сопровождался ломкой прежнего образа жизни и психологии и не всегда и не сразу означали улучшение благосостояния. Значительная часть жителей Саудовской Аравии жила одновременно в системе как докапиталистических, так и новых, капиталистических социальных отношений.

Начиная со второй половины прошлого века и на государственной службе, и в бизнесе, и в свободных профессиях были заняты десятки тысяч специалистов-иностранцев – управляющие, инженеры и техники, преподаватели, врачи, журналисты, экономисты. Они приняли на себя общественно-экономическую роль, которую должны были бы играть «средние слои» саудовского общества, но при этом оставались как бы вне общества.

Миллионы иммигрантов к настоящему времени составили почти треть всего населения королевства, выполняя функцию несуществующего рабочего класса. В подавляющем большинстве они не становились саудовскими гражданами и унаследовали в новых исторических и социально-экономических условиях роль, которая в традиционном аравийском обществе отводилась ремесленникам-суннаа и вольноотпущенникам. И те и другие могли добиваться богатства и влияния в своей области, но никогда не становились вровень с правящей аристократией, не пользовались политическими правами.

Это создавало социальную напряженность нового характера, хотя иммигранты оставались политически пассивными, т.к. были заинтересованы в заработке и находились в стране временно и под жестким контролем полиции и органов безопасности. Если же говорить о численности или доле лиц, связанных с докапиталистическими укладами, то в начале XXI в. они оказались в абсолютном меньшинстве.

ПЛЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И НАЦИОНАЛИЗМ

Создание централизованного государства, запрет межплеменных войн и набегов, прекращение существования племен или их конфедераций в качестве независимых политических единиц – всё это ослабляло племенную структуру еще с 30-х гг. XX в. Процесс замены племенной солидарности другими социальными связями резко усилился с оседанием бедуинов, быстрой урбанизацией, с совместным уча-

³ Мутава – «ревнители», фактически религиозная полиция (прим. авт.).

ствием членов различных племен в бюрократических и военных структурах, в промышленной и торговой деятельности, с миграцией населения.

Однако Саудовская Аравия, как и многие другие страны с сильными родо-племенными традициями, демонстрировала, что кровнородственные связи сохраняются и в новых социально-экономических условиях и надолго переживают хозяйственные, общественные, географические и другие условия, их породившие. Кровное родство, принадлежность к клану или племени всё еще определяли место индивидуума, успех или неудачу его продвижения как в традиционных, так и в новых сферах деятельности. Приоритет в обществе отдавался интересам и солидарности родственной группы против интересов индивидуума и тех, кто находился вне этой группы [2, р. 167].

Племенные, кровнородственные связи вписались в структуру централизованного государства. Естественно, они не могли исчезнуть за 6–7 десятилетий «нефтяной эпохи» несмотря на реформы последних лет. Они всё еще считаются важнее компетентности, трудолюбия и других деловых качеств, а личное доверие и симпатии важнее точности бухгалтерского учета.

Всё это было трудно совместить с развитием современных рыночных отношений и в целом любой модернизации. Племенная взаимопомощь, отношения патрона и клиента, патриархальный авторитет главы рода или племени зачастую оказываются сильнее новых социальных связей.

Но характер кровнородственных связей постепенно менялся. Племенные объединения постепенно уступали место семейным группам более ограниченного размера, особенно в городах, где сейчас живет более 90% населения. Эти изменения особенно чувствовались в прослойке, получившей современное образование, среди чиновников, торговцев, интеллектуалов, квалифицированных рабочих.

Образованные саудовцы больше стремились к моногамии. Полигамия постепенно исчезала в этой среде не только потому, что стоимость женитьбы становилась всё более высокой, но и потому, что моногамный брак больше отвечал новому образу жизни и функциям современного человека. В этих же семьях склонялись к тому, чтобы дать образование своим дочерям и даже жене. Причем чем лучше образование, тем выше становился калым («цена» невесты).

Существование подобных семейных очагов отражало эволюцию образа жизни и мышления, которая вызывалась и новыми формами образования, и новым опытом, и конфликтом поколений. Но одно лишь светское образование и довольно высокий доход не обязательно приводили к созданию атомарных семей, а женщины продолжали публично носить хиджаб и не могли допустить, чтобы их лица видели мужчины за пределами узкого семейного круга.

Напомним, что само слово «арабы» в Аравии обозначало кочевников, бедуинские племена в первую очередь. Оно не распространялось на потомственных земледельцев – феллахов, рабов и вольноотпущенников, «низшие племена», ремесленников-суннаа. Расширительное применение слова «арабы» – это уже плод XX века.

Национальное сознание, т.е. осознание принадлежности к некой «саудоаравийской» нации, в стране было развито мало. Появление новых средств коммуникаций и информации, усиление хозяйственной взаимозависимости различных провинций, контакты с иностранцами и поездки за границу, которые демонстрировали разницу в культуре и образе жизни в Саудовской Аравии и за её пределами, ускорили и формирование нации, и появление чувства национальной принадлежности.

Но реальное образование «саудовской нации» (или государственной нации) даже в рамках смутно определенной «*аль-умма аль-арабийя*» – «общееарабской нации», несомненно, далеко еще не достигло уровня, до которого этот процесс дошел, например, в Египте. Семейно-племенные и религиозные связи, несмотря на общность языка, культуры, истории, единство территории, складывающееся хозяйственное единство, оставались более мощными, чем «национальные».

Сама идея национального территориального государства – родины – была новой для аравийского общества. Концепция «родины», преданность которой человек демонстрирует прежде всего, противоречит и духу ислама, делающего акцент на универсальную общность верующих.

Национальное сознание и националистические чувства в Саудовской Аравии ограничивались небольшой прослойкой населения, связанного с современным сектором в экономике, гражданской и военной бюрократией. Те, кто называли себя «националистами», скорее были реформистами и модернистами; они хотели создать более современное общество. Но чувства их были настолько смутными, что левое крыло «националистов», как и исламисты-экстремисты, даже избегали использовать слово «саудовский» в названии своего народа и нации из-за отношения к Саудидам.

«ВАХХАБИТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ» В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Если не считать кровнородственных связей, то ислам оставался в саудовском обществе доминирующей традиционной силой. Он пронизывает социально-политическую структуру, которая сложилась по канонам шариата, быт, социальную психологию.

В саудовском обществе ислам имел более глубокие корни, чем где бы то ни было, т.к. именно эта страна была местом рождения мусульманской религии и оставалась долгие годы изолированной от соперничающих идеологических и культурных воздействий. Саудовская Аравия никогда не испытывала на себе такого влияния иностранной культуры, как Магриб и Ливан – французской, Египет – французской и английской, княжества Персидского залива или Южный Йемен – английской. Лишь в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. массовое вторжение некоторых потребительских и культурных ценностей американского образца и учеба многих тысяч саудовцев в США способствовали проникновению американского влияния, но оно было ограниченным и затрагивало часть состоятельной и образованной прослойки, несущей как бы гибридную культуру.

В Саудовской Аравии ислам в его ваххабитской (ханбалитской, салафитской) форме ассоциировался и с традиционными общественными институтами (такими как система распределения расходов государственной казны), и с системой власти в лице «племени» Саудидов и примыкавших к нему групп, и с шариатом, и с традиционным образованием с его упором на богословские дисциплины, и со средневековым мышлением, фатализмом, готовностью смириться с судьбой. Поэтому модернисты в Саудовской Аравии, начиная со «свободных эмиров»⁴, левой оппозиции и кончая современными «либералами», требовали изменить, модернизировать ислам, привести его в соответствие с нуждами последней четверти XX в. и начала XXI в., быстрыми социально-экономическими изменениями в саудовском обществе.

Однако именно на каноны ислама ссылались Саудида для легитимизации и сохранения своей власти. В этом смысле стоит вспомнить ответ будущего короля, эмира Абдаллаха ибн Абд аль-Азиза «свободным эмирам», опубликованный в бейрутских газетах: «Таяль утверждает, будто в Саудовской Аравии нет конституции и демократических свобод. Таяль хорошо знает, что в Саудовской Аравии есть конституция, вдохновленная Аллахом, а не составленная человеком. Я не могу поверить, что существует араб, который полагает, будто в Коране есть хотя бы одно упущение, позволяющее появиться несправедливости. Все законы и декреты в Саудовской Аравии вдохновлены Кораном, и Саудовская Аравия гордится такой конституцией...» [3, с. 107].

Ислам в его ваххабитской (салафитской, ханбалитской) форме, как и племенные и клановые связи, – реально существующие в саудовском обществе долгосрочные факторы. Даже в условиях быстрого развития рыночных, капиталистических отношений они будут оказывать воздействие и на эволюцию социально-политической структуры, и на характер потенциальных внутренних конфликтов.

Но и ислам не оставался неизменным в Саудовской Аравии. Движение «Сахва» было гибридом ваххабитской догмы и идеологии «братьев-мусульман», после 1991 г. оно оказалось в оппозиции к режиму, было запрещено, затем вновь «кооптировано» в идеологию и частную жизнь общества. Но его экстремистское джихадистское крыло породило «Аль-Каиду». Террористические ячейки были в основном раздавлены органами безопасности в первом десятилетии нашего века, ушли в подполье, но её антизападные экстремистские взгляды находили последователей у части молодежи.

Вплоть до второго десятилетия XXI в. режим, казалось бы, успешно справлялся с бурями и потрясениями. Правящий класс, в частности верхушка элиты – Саудида, продемонстрировал, что не намерен расставаться с властью. Кое-какие реформы осуществляли именно они, а не представители средних слоев, армии или бюрократии, буржуазных или левых «разночинцев», взявших власть в ряде других арабских стран, но не сумевших её удержать.

Так, еще в 60–70-е гг. XX в. были приняты новый кодекс о труде, экономические планы, появилось телевидение, а позднее и Интернет, введено светское образование, в том числе школы для девочек, произошли кое-какие изменения в быту. В 90-е гг. появились свидетельства эволюции в сторону некоторых элементов конституционной системы. Были приняты законы о правлении, о создании Консультативного совета, о местной администрации [4].

⁴ Оппозиционное движение внутри королевской семьи во главе с Таялем ибн Абд аль-Азизом, выступавшее за конституционный строй (прим. авт.).

Все эти нововведения были ранее немыслимы, но «модернизацией» правящий класс как бы ограждал себя от опасных для него социальных потрясений.

Для сохранения своих социально-политических и экономических позиций, поддержания социальной стабильности правящая знать укрепляла аппарат безопасности и вооруженные силы. Именно на армию, Национальную гвардию и полицию шла значительная часть бюджета, для них ввозились современное вооружение и техническое оснащение. Их численность увеличилась в несколько раз. Клан Саудидов без колебаний применял силу для подавления любой оппозиции.

Обладая колоссальными нефтяными доходами, саудовский режим до недавнего времени успешно «откупался» от требований коренных перемен. Потенциально недовольных и политически активных лиц поглощал разбухший, неэффективный, но престижный и хорошо оплачиваемый государственный аппарат. Режим пока что обеспечивал себе довольно прочную и широкую социальную базу в виде средних городских слоев и бюрократии, «благородных» кочевых племен, получающих королевские субсидии, в виде консервативно настроенного бизнес сообщества.

Все это – сочетание кое-каких реформ сверху, усиление аппарата безопасности, определенной социально-экономической поддержки значительной части населения и консерватизм саудовского общества – обеспечивало в течении десятилетий стабильность одного из самых традиционных режимов на земном шаре. Правда, сами социально-экономические перемены и даже элементы модернизации, вводимые сверху, расширяли базу конфликтов в саудовском обществе. Но относительно успешное преодоление политической нестабильности в Саудовской Аравии на протяжении десятилетий, сохранение якобы консенсуса среди высших принцев «племени Саудидов» означало застой, чреватый как раз нарастанием внутренней напряженности, конфликтами, разрушением стабильности.

РЕФОРМЫ КАК ОТВЕТ НА УГРОЗУ СТАБИЛЬНОСТИ

Структура власти, созданная королем Фейсалом в 60-е гг. XX в. [5, с. 505–507], до поры до времени обеспечивала единство верхушки Саудидов – родных и кровнородственных братьев – сыновей основателя Ибн Сауда. Но она породила и систему некоего «пирамидально-группового» феодализма, в которой главы наследственных «феодов» – министерств с развитой системой патронатно-клиентельных связей и практически независимыми вооруженными силами (прежде всего, министерствами обороны, Национальной гвардии, безопасности) осуществляли коллективное руководство королевством. Но уход из жизни большинства сыновей Ибн Сауда и сталкивающиеся амбиции его очень многочисленных внуков породили кризис власти и неспособность проводить необходимые реформы. Это и вызвало ряд песимистических оценок стабильности королевства.

Ответом на ситуацию было установление фактически авторитарного режима короля Сальмана (на престоле с 2015 г.) и его сына Мухаммеда. Они смели сопротивление части оппозиционных членов «племени Саудидов», разрушили «пирамидально-групповой феодализм», чтобы получить все рычаги власти – финансы, контроль над распределением доходов от нефти, вооруженные силы, органы безопасности – и начать реформы. Путем репрессий, арестов, но без серьезного кровопролития, они вывели из политической игры потенциальных претендентов на власть – как членов «племени Саудидов», так и представителей высшей военной, административной, финансовой бюрократии – и создали группировку своих сторонников и исполнителей их воли [6, р. 73.].

Борьба с коррупцией, провозглашенная государственной целью, сопровождавшаяся всё новыми арестами, была популярна среди молодежи и как бы очищала общество для быстрого развития. Но ведь коррупция была десятилетиями полулегальным общественным институтом и пронизывала саудовское общество сверху донизу, а пострадавшие на основе своих семейных, клановых или племенных связей волей-неволей становились противниками новой власти, хотя и не смели даже поднять голову.

Время покажет, какую часть своего «племени Саудидов» клану короля Сальмана удалось привлечь в число сторонников, а какая часть просто подчинилась силе и выжидает удобный момент для ответного удара.

«Корпорация ваххабитов» всегда делала ставку на победителя, но явный подрыв её закостеневших, догматических устоев вряд ли приветствовался её высшим и не только высшим эшелонами. Музыкальные и танцевальные фестивали, массовые развлекательные и спортивные мероприятия, допускавшие смешение полов, воспринимались как недопустимое новшество – *бида*. Фактическая ликвидация рели-

гиозной полиции и её наиболее ярких ревнителей – мутава, ограничение полномочий Высшего совета улемов сопровождалось декларацией о введении в стране «умеренного ислама».

Ко всему добавлялись разрешение женщинам водить автомашину (как будто бы второстепенный, но социально-символический факт), появление женщин-муфтиев, послов, министров, шаги к признанию равноправия женщин в семейно-брачных отношениях. Оторопевшие от скорости перемен руководители ваххабитской корпорации всё же сохранили свои посты и доходы и как будто бы приняли реформы без сопротивления, хотя вместо усиления влияния улемов и религиозного истеблишмента в обществе наблюдалось его ослабление.

Действия властей удовлетворяли полусветских или «гибридных» либералов, хотя режим даже не позволял обсуждать свою политику его сторонникам. Многие будут зависеть от успеха амбициозного плана «Видение: 2030». Движение в сторону усиления частного сектора, саудизации рабочей силы, увеличения доли нефтефакторных доходов в ВВП, создания конкурентоспособных туристических зон и центров новейших технологий в «умных городах» к началу третьего десятилетия как будто началось.

Можно отметить, что с ценами на нефть королю Сальману и Ибн Сальману просто повезло. После их катастрофического падения в 2014–2016 гг. и еще большего падения в 2020 г., согласовав нефтяную политику в рамках ОПЕК+ с Россией, королевство избежало банкротства, а в среднесрочной перспективе обеспечило себе высокие нефтяные доходы. Можно предполагать, что в течение ближайших 10–15 лет растущие гиганты – Китай и Индия – без значительного импорта нефти и газа просто не могут обойтись. Это шанс и для Саудовской Аравии. (Никаких категорических прогнозов, а тем более пророчеств автор сделать не может: на пути любых планов экономического развития Саудовской Аравии, да и всего мира может оказаться хотя бы новая пандемия, подобная коронавирусу. Анализировать или детализировать эту ситуацию – вне компетенции автора.)

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Успех плана «Видение: 2030» и сами внутривластные события в Саудовской Аравии зависят и от международной обстановки. Мухаммед ибн Сальман, став серьезным лидером во внутренней борьбе, продемонстрировал и готовность к риску и к стратегическим решениям, проявил свою зрелость во внешней политике.

Он поднялся выше личных эмоций (ненависть к Ирану и шиитам, разочарование неудачами в Йемене, просчетами в Ливане, Сирии и Ираке), пошел на договоренности или на понимание «красных линий» с руководством Ирана и восстановил дипломатические отношения с Тегераном. Ведь ни Иран, ни йеменские хуситы⁵, ни сирийские баасисты⁶ не представляли экзистенциальной угрозы королевству, компромисс был возможен. Трудность состояла в том, что США были заинтересованы как раз в обострении суннитско-шиитской вражды и саудовско-иранской напряженности, чтобы сохранять доминирующие позиции и в целом на Ближнем Востоке, и в Персидском заливе без активного военного участия. Несмотря на недовольство Вашингтона, были возобновлены дипломатические отношения и с Дамаском.

В связи с этим возникает и еще один важный для Саудовской Аравии вопрос: степень её зависимости от США. Вашингтон уже продемонстрировал, что не может стать гарантом безопасности королевства. Позорное бегство из Афганистана показало, что Вашингтон может бросить режим, который он создавал и лелеял 20 лет, потратив на всю эту операцию триллионы долларов, и преданных ему союзников, если у него появятся другие приоритеты.

Военно-техническое сотрудничество с США для Саудовской Аравии как бы необходимо (впрочем, китайские ракеты королевство начало покупать уже больше 20 лет назад), но без американских специалистов, ученых, инженеров и технологий в создании «умных городов», намеченных в плане «Видение: 2030», и приобщении к последним информационным технологиям и искусственному интеллекту Саудовской Аравии трудно обойтись.

Но во внешней торговле уже доминирует Китай, сотрудничество с которым охватывает все новые области, включая высокие технологии. Об этом свидетельствует и прошлогодний успешный визит в Эр-Рияд президента КНР Си Цзиньпина на фоне похолодания отношений с США.

⁵ Хуситы – военизированная группировка йеменских шиитов-зейдитов (*прим. авт.*).

⁶ Баасисты – движение арабского национализма с левым светским уклоном (*прим. авт.*).

Сотрудничество королевства с Израилем возможно и уже осуществляется. Ведь пропалестинская риторика и забота об исламских святынях Иерусалима всегда, во всех арабских странах существовали, прежде всего, для внутреннего потребления, для дополнительной легитимизации режимов. Но «хранителю двух исламских святынь» было бы очень трудно в условиях жесткой критики нынешних реформ «справа», причем и изнутри, и извне страны, открыто пойти на мир и широкие связи с Израилем.

А что Россия? Можно полагать, что открывается окно возможностей для взаимовыгодного сотрудничества, хотя и в ограниченных масштабах. СССР воспринимался Саудовской Аравией и как идеологический, и как стратегический противник, который имел полусоюзнические отношения с левыми антизападными и антимонархическими режимами. Появление советских войск в Афганистане, недалеко от Персидского залива, также вызвало тревогу и активное сотрудничество с антисоветской вооруженной оппозицией вместе с Пакистаном и США. Но с уходом из Афганистана советских вооруженных сил, а затем и с распадом СССР исчезла идеологическая и политическая составляющая конфронтации. Были сделаны шаги к сближению.

Вспомним визиты в Россию наследного принца, ставшего затем королем, Абдаллаха, а в Саудовскую Аравию – президента В.В.Путина в 2007 г. (сразу после его знаменитой мюнхенской речи), государственный визит в Москву короля Сальмана в 2018 г. или новый визит Путина в Саудовскую Аравию в октябре 2019 г. Стороны нашли взаимопонимание в деле борьбы с международным терроризмом и экстремизмом. Соглашение по нефтяным вопросам в рамках ОПЕК+ для Саудовской Аравии и РФ было просто необходимым. Поэтому растущее экономическое, научно-техническое, ограниченное военное сотрудничество Саудовской Аравии и России соответствует интересам обеих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая будущее Саудовской Аравии, автор не хочет быть ни оптимистом, ни пессимистом. При оценке мнений катастрофистов и пессимистов стоит иметь в виду один очень важный факт – сознательно или нет, в соответствии с личными убеждениями или следуя в общей струе, западные и ориентирующиеся на них исследователи однозначно полагали, что западная либеральная демократия – это наилучший способ управления обществом, который обеспечивает и экономический прогресс, и равенство.

Естественно, что социалистические или коммунистические идеи, согласно этой логике, были безнадёжно тупиковыми. Казалось бы, коллапс советской системы, распад и «социалистического лагеря», и самого Советского Союза подтверждали эту точку зрения. Любые проявления или попытки обращения к ценностям других цивилизаций отвергались как реакционные и обреченные на неудачу.

Однако XXI век продемонстрировал несовершенство и узость данной точки зрения. В недрах самого западного общества проявился глубокий кризис.

Сверхдержавой, равной США, стал Китай, добившийся успеха с упором на свою цивилизацию, используя «китаизированный марксизм» или «китаизированную коммунистическую практику» вместе с развитием рыночных отношений. Третью строчку мирового рейтинга экономической мощи уже занимает Индия. Несмотря на, казалось бы, «сокрушительные санкции», сохраняется устойчивость экономической системы России. Успехи продемонстрировали нефтяные монархии Персидского залива, в которых шариат сочетается с некоторыми элементами западных политических структур, с использованием рыночных рычагов. Более полувека стоит на ногах исламский Иран, используя шариат в его шиитской интерпретации вместе с некоторыми элементами западной модели, несмотря на 8-летнюю войну, навязанную ему иракской агрессией, несмотря на почти убийственные санкции Запада, прежде всего США. Нарастают свой экономический вес и политическое влияние мусульманские Индонезия и Турция.

Отметим, что даже К.Дэвидсон в своей последней работе, изданной в 2021 г., избегает говорить о «коллапсе» монархий залива (см. [7]).

А почему бы не предположить, что Саудовская Аравия, продукт арабо-исламской цивилизации, найдет свой путь развития, отбрасывая или видоизменяя архаичные общественно-политические структуры и закостенелые идеологические догмы и осваивая информационные технологии? Какой срок это займет? Автор намеренно уклоняется от ответа на этот вопрос, вспоминая то ли шутку, то ли глубокую философскую мысль Чжоу Эньлая (1898–1976), который, оценивая двухсотлетнюю годовщину Французской революции, сказал: «Еще слишком рано делать выводы».

Все решения короля Ибн Сальмана и наследного принца предельно централизованы и жестки. Шаг влево, шаг вправо не допускаются. Объявленные цели реформ – ломать прежние общественные, политические и экономические структуры, чтобы двигаться вперед к новой реальности, сохраняя контроль над кланом Сальмана и его сторонниками внутри «племени Саудидов», хотя сопротивление оказалось немалым.

До сих пор неясно, какое влияние окажут информационные технологии на общество и на взгляды саудовцев. Будут ли они служить режиму или оппозиции или и тем и другим? Для ответа на этот вопрос нет прецедента.

На данный момент безопасности Саудовской Аравии извне никто реально не угрожает, если не считать горячих голов в самой администрации США и в американских СМИ.

Главная задача нынешнего саудовского руководства – решать внутренние проблемы: социально-экономическое развитие, перестройка экономики, смена психологического настроения коренного населения, улучшение человеческого капитала, внутренняя стабильность на базе сохранения власти клана короля Сальмана и его сына Мухаммеда, удовлетворение запросов растущего населения, подготовка к постковидному миру, а затем и к постнефтяной эпохе.

В Саудовской Аравии сохраняются, хотя и в трансформированном виде, многие ценности арабо-исламской цивилизации, системы власти и управления и в той или иной мере воспринимаются современные технологии, рыночные механизмы, системы образования, здравоохранения, другие общественные и государственные службы, сделаны шаги к равноправию женщин. Приобщение к информационным технологиям, новейшим научно-техническим знаниям охватывает относительно многочисленную прослойку населения, сохраняющего в массе свои религиозные убеждения.

Будет ли это соединение современного и традиционного, разнопорядковых экономических структур, элементов западной и арабо-исламской цивилизаций органичным синтезом или неустойчивой механической суммой различных составляющих, чреватой конфликтами, сказать пока трудно.

Социально-политическая и экономическая модель Саудовской Аравии, сложившаяся за сравнительно краткий исторический срок, уникальна. Учитывая её вес в мире нефти, финансов и ислама, любые серьезные перемены или общественные толчки в этой стране имеют далеко идущие международные последствия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Davidson Ch.M. 2013. After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. L.: Hurst.
2. Wenner M.W. Saudi Arabia: Survival of Traditional Elites. Political Elites and Political Development in the Middle East. Cambridge, Mass: Schenkman Publishing Co., 1975. P. 167.
3. De Gaury G. Faisal, King of Saudi Arabia. Published by Arthur Barker, London, 1966. C. 107.
4. *Okaz*. № 25. 26.03.1992 (газета на арабском языке).
5. Васильев А.М. Король Фейсал. Личность. Эпоха. Вера. М.: Центрполиграф, 2023. С. 505–507. ISBN: 978-5-227-07929-9.
6. Vasiliev A.V. 2013. King Feisal. Personality. Era. Faith. Moscow. Pp. 505–507. (In Russ.). ISBN: 978-5-227-07929-9.
7. Rundell D.H. 2021. Vision or Mirage. Saudi Arabia at the Crossroads. I.B.Tauris. L.: Bloomsbury Publishing Plc. P. 73.
8. Davidson Ch. 2021. From Sheikhs to Sultanism. State Craft and Authority in Saudi Arabia and UAE. L.: Hurst and Co.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой востоковедения и африканистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, Department of Oriental and African Studies, Patrice Lumumba RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 08.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 29.09.2023